

Образы культуры в поэзии и прозе К. Бальмонта

Н. П. Крохина

Рассматривается бальмонтское возвращение к архаическим истокам культуры, где культура и стихия едины, а также закон культуры сочетания полярностей, обращение к русской теме, неприятие «рассудочной» цивилизации.

Ключевые слова: культура и стихия, архаические истоки культуры, сочетание полярностей, русский мир.

The Images of the Culture in Balmont's Poetry and Prose

N. P. Krokhina

The article regards Balmont's returning to the archaic source of the culture, where the culture and the elements are united and the law of culture of combination of incompatibles, returning to the Russian theme, neglecting pragmatic civilization.

Key words: Culture and elements, archaic source of the culture, combination of incompatibles, the Russian world.

Современная культурологическая мысль важным открытием эпохи модерна и символизма полагает идею культуры. Эта проблема «культурологического сдвига» и «культурологического расширения сознания» еще требует своего исследования. Но бесспорно, что «идея культуры впервые стала стержнем отечественной философско-исторической мысли и эстетического опыта» [1, с. 15–16]. Эпоха модерна и символизма ретроспективно стремится вобрать в себя все многообразие культурного наследия минувших эпох. Интенсивное переживание всех прошлых культур и мирозерцаний как со- и одновременных себе – характерная черта времени. Как писал А. Белый, «культура оказалась для нас чем-то самоценным», «все времена и все пространства превратились в ноты одной гаммы». Утрачивается чувство исторической дали. «В этом неослабевающем стремлении сочетать художественные приемы разнообразных культур, в этом порыве создать новое отношение к действительности путем пересмотра серии забытых мирозерцаний – вся сила, вся будущность так называемого нового искусства». Глубочайшие противоречия современной культуры освещаются цветными лучами многообразных культур. «Мы ныне как бы переживаем все прошлое». По-новому оживают Индия, Египет, Греция, средневековье. «Говорят, что в важные часы жизни пред духовным взором человека пролетает вся его жизнь; ныне пред нами пролетает вся жизнь человечества; заключаем отсюда, что для всего человечества пробил важный час его жизни» [14, с. 18, 26, 172]. Рождается амбивалентное чувство «конца истории».

Образы культуры по-разному входят в русскую поэзию Серебряного века. Прежде всего это образы, раскрывающие сложный внутренний мир поэта. Брюсовские «любимцы веков» – это образы страсти и власти. У Блока – интерес к переломным событиям и эпохам, столкновению

полярных начал («Равенна», «На поле Куликовом»). Это и попытка раскрыть священную символику культуры (сборники и циклы Вяч. Иванова). Это и пронизывающее поэтический текст интертекстуальное начало в постсимволизме О. Мандельштама или Г. Иванова. Л. А. Сугай говорит о превращении ряда поэтических текстов в «поэтическую культурологию» – поэтическое воплощение культурно-исторических концепций их автора: брюсовские циклы «Отзвуки Атлантиды», «Светочи мысли», поэма М. Волошина «Путями Каина: Трагедия материальной культуры», «Скифы» А. Блока, «Поэма без героя» А. Ахматовой [18, с. 32–33].

Образы культуры пронизывают и поэзию К. Бальмонта, страстного путешественника, объехавшего почти весь мир, переводчика, автора многих путевых (культурологических) очерков (Змеиные цветы: Путевые письма из Мексики. М., 1910; Край Озириса; М., 1914; Солнечные видения: сборник очерков о путешествиях в Мексику, Египет, Индию, Японию и Океанию. Париж, 1923), которые ждут своего исследования (как и письма поэта).

Во Франции Бальмонта ценили не только как поэта, но и как эрудированного знатока в области культуры. Специфика его поэтического мира определена А. Ханзен-Лёве: «среди символистов был самым “синтетичным” поэтом: его стихотворения свободно комбинировали все мыслимые мифологические, фольклорные, архаико-античные, экзотически-внеевропейские и другие мотивы» [20]. Как отмечает Н. А. Молчанова, «он страстно ищет всеединого начала, которое соединило бы в себе христианскую жертвенность, языческий пантеизм и молчаливую мудрость Браммы» в стремлении «соотнести свое индивидуальное “я” с универсальным космическим целым, равновеликим этому “я”» [17, с. 39]. Следующим образом определяет Бальмонта М. Цветаева: «Если бы надо было дать Бальмонта одним словом, я

бы, не задумываясь, сказала: Поэт... На каждом бальмонтовском жесте, слове – клеймо – печать – звезда – поэт» [21, с. 233], который заглядывает в то, что совершается не в трех измерениях.

Мироощущение Бальмонта восходит к софийно-теургическому комплексу романтизма, который был развит русскими символистами. В статье «Романтики» он цитирует слова Новалиса о стремлении поэта понять «внутреннюю музыку природы» и «преобразовать землю» [4, с. 561–562]. Романтик всегда стремится от предела к беспредельному (или, на языке Ф. Ницше, от Аполлона к Дионису). Именно эта оппозиция будет определяющей в поэтическом мире Бальмонта, тяготеющего к «синтезу противоположных начал в двуедином целом», «гармоничной слиянности в едином универсуме самых разнообразных начал», совпадая с общими для Серебряного века поисками целого – «в синтезе бинарностей», преодолевая традиции дуальной природы отечественной культуры и создавая «полимодальный образ мира гармоничных сочетаний» [19, с. 35–36, 39, 41].

Романтик устремлен к беспредельному: «Их родина никогда им недостаточна. Их родина – не их родина, а бег души к великой родине мыслящих и красиво творящих». Таковой родиной и становится идея мировой культуры. Потому романтик жадно стремится к иным странам, к чужим краям. «Каждый истинный романтик должен быть путником, ибо только в путешествиях и странствиях завоевываешь мир и себя» [4, с. 561]. Поэт так обосновывает свою потребность в странствиях, ведомый мистической интуицией: «Выйти из себя – чтобы войти в себя, выйти из всех вещей – чтоб прикоснуться ко всем вещам» [11, с. 97]. Войти в мировое, всечеловеческое – чтобы глубоко понять свое, родное. Наследник Пушкина и Достоевского, Бальмонт в высшей степени наделен «главенствующим свойством арийца – всемирный взгляд, всебожие природы, всечеловечность» [4, с. 616]. Не случайно в 1905 г. он писал В. Брюсову, осознавая внутреннюю цель своих скитаний: «От внешних путешествий, имеющих свое очарование, я близюсь к более достоверным, незримым странствиям» [9, с. 164]. Многозначный образ «незримых странствий» обращает к бальмонтовским путешествиям во времени и размышлениям поэта в его путевых очерках, эссе и письмах о путях человеческой культуры.

Пафос поэзии Бальмонта-символиста – расширение сознания, преодоление «человеческого, слишком человеческого», прорыв к иному мировосприятию – быть «каплей в вечном», «Дивно и жутко – уйти в запредельность», пафос восхождения, откуда «виден мир в своих осно-

вах». Эта программная установка не однажды выражена в стихах: «Я постиг в мимолетном намек... Мне открылось, что времени нет» [4, с. 62–63]. Без подобного преобразования символистская поэзия, проникающая в мистерии мира, невозможна.

Ярко о своеобразии Бальмонта-поэта говорил Вяч. Иванов в речи 1912 г. в честь 25-летия литературной деятельности Бальмонта. Его поэзия содержит «бесконечные утверждения... бытия во всех его мимолетных искрах и радугах... “Да” – воде и огню, ночи и дню, тишине и громам, высоте и глубине, подвигу и преступлению, любви и вражде, Богу и дьяволу... “Будем как солнце”, – кричит он нам с высоты своего вращающегося пламенного креста» [15, с. 38–39]. Это бесконечное утверждение бытия во всех его проявлениях: «И да и нет – здесь все мое./ Приемлю боль – как благодатьню./ Благословляю бытие... [Сб. «Горящие здания» – 4, с. 117]» – сближает поэзию Бальмонта со славящей мир поэзией Вяч. Иванова и детской радостью бытия поэзии Б. Пастернака.

Онтологизм поэзии, развертывающейся по принципу «и – и», стирает все традиционные дуальные модели сознания. «Изменчивым, но постоянным» назвал себя однажды Бальмонт. Неизменность пути этого странника Вяч. Иванов видит в том, что тот зовет на «горные вершины». Он постоянен «в пафосе единого знания о волшебном богатстве мира и горделивой свободе человека». В этом сочетании изменчивости и постоянства, мироприятия и свободы Бальмонт раскрывает себя как Поэт: «Он – поэт, только поэт, всегда и во всем. И каждое дыхание его жизни – поэзия... Его безумная, блуждающая муза обрела волшебные слова восторга... превратив... родную поэзию в весенний сад, в вертоград зеленый» [15, с. 41–42]. Эта поэзия воплощает софийно-теургический комплекс романтико-символистской традиции с его приятием мира и пафосом преобразования. Образ поэзии Бальмонта содержит блоковская «Песня Гаэтана»: «Мира восторг беспредельный / Сердцу певучему дан. / В путь роковой и бесцельный / Шумный зовет океан». Бальмонт познал в своих реальных и незримых странствиях красоту и тайну мира: «Я видел безмерность мира... Я чувствовал слитность Неба и Земли, великую радость бытия... Я шел по зеленому лугу» [13, с. 52]. Великая радость бытия в поэзии Бальмонта и состоит в этом движении к софийному слиянию неба и земли, которое Новалис именовал «голубым цветком» и «магическим идеализмом», Вл. Соловьёв – Софией и Всеединством, а Бальмонт – «религией звезд и цветов»: «Если у нас еще осталась какая-нибудь надежда, что человечество, износив все

свои религии, создаст какую-либо новую, это будет, несомненно, опять и опять звездозаконие. Религия звезд и цветов. Она уже многим и снится. Быть может, уже и совсем близка» [5, с. 51].

В этом преображении – душа «жаждет воли и простора» – поэту прежде всего открывается душа природы. Подобно Бодлеру, он видит природу как храм. В лиро-эпическом космосе Бальмонта индивидуальное «я» в своем расширении постигает как равновеликое этому «я» и космическое целое в его стихийных первоосновах, и всечеловеческий космос культуры. Потому можно говорить о целостной «поэтической культурологии» Бальмонта, неотделимой от мирологии поэта. Тайну поэтического преобразования, которое переживал поэт во время своих странствий, раскрывает эссе «Океания» (1914). «Чем дальше уплывает корабль, тем острее чувствуешь, что... ты ушел от своих, отделился от земного, и одна осталась убедительность – зори и звезды, Море и ты... Твое малое человеческое я... – капля в безмерном Океане... В нераздельном целом слились в тебе Великий Мир и Малый мир, человеческое сознание и то безграничное, звездное, миротворческое...» [7, с. 12]. Океан – не пугающая бездна, а сочетание неба и земли, макро- и микрокосма. Он приобщает к звездам: «Лишь в океанических ночах увидишь воистину звездное Небо, поймешь, что ты звезда меж звезд». Человек в бальмонтской «религии звезд и цветов» – «звезда меж звезд» и «цветок в мировом саду» [7, с. 21, 19]. Это мировое сознание рождает благоговение перед тайной вечно возобновляемой жизни:

Мы только грезы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов,
Непогибающих садов [4, с. 115].

Человек – «капля в вечном». Этому всебожию и смирению он учился у древнего человека. Интерес к истокам порождает интерес к древним космогониям Индии, Египта, Мексики, Скандинавии:

Человеков люблю в ипостаси их древней,
Глаза были ярче у них, и речи напевны,
В их голосе слышался говор морей... [10, с. 20].

В своем отношении ко времени Бальмонт – типичный романтик. Его путешествия связаны с интересом к давно-прошедшему, изначальному. В этом возвратном движении к первоистокам, к изначальной слитности неба и земли, воплощенной прежде всего в солярном культе (как писал Вяч. Иванов, «будет эпоха великого, радостного, все постигающего возврата» [16, с. 133]), созидая эту мироприемлющую поэзию тема восхождения на «горные вершины» сочетается с многоаспектной темой возвращения. Это прежде

всего возвращение к архаическим истокам культуры, где культура и стихия едины.

Поэту в его культе изначальных стихий Огня-Воды-Земли-Ветра открывается изначальное родство культурных традиций. И потому естественны в его стихах самые дальние сближения – Браммы и Ярилы, хлыстовских песнопений с гимнами древних египтян как следствие «родственности» русских сектантских радений «мистическим состояниям всех экстатических сект, без различия веков и народностей» [3, с. 278]. В этом проявляется на языке Вяч. Иванова дионисизм Бальмонта, стихия саморасточения, определяющая и его поэтическую эволюцию, и развитие многих стихов.

Культе природных стихий равноправно дополняют культурные ряды – образы древних космогоний, различных культурных традиций и символические личности различных эпох. Родство с «вольным ветром» или жарким властным солнцем усиливают культурные аналогии. Стихи Бальмонта свободно сочетают времена и пространства – Испанию, Перу, Аравию («Как испанец, ослепленный верой в Бога и любовью...»). Многочисленные природные перевоплощения поэта («Я гибну скорпионом – гордым, вольным», «Быть как цветок полусонный») усиливают культурные метаморфозы: поэт то предстает страстным в любви и вере испанцем, то исполняющим песню арабом или мчащимся «с жаркой быстротою аравийского коня». Эти образы веков нельзя назвать сменой театральных масок, как у Брюсова, настолько они органичны, как «ноты одной гаммы». Подобная органика метаморфоз (ибо «всего хочу») свойственна неистовой энергетике поэзии М. Цветаевой, для которой Бальмонт навсегда остался образом подлинного Поэта.

Гимн Солнцу неполон без культурных аллюзий, образов Мексики, Индии, Эллады. Поэт вспоминает Франциска, «воспевшего тебя», Клеопатру, «с пламенем в крови», Александра Македонского, подобно солнцу, царившего над всей землей. Культурные хронотопы в «поэтической культурологии» Бальмонта столь же многообразно-прекрасны, как и любимые им цветы, и по-шпенглеровски сопоставимы с разнообразием и бесцельностью красоты цветка. Программная установка В. Брюсова – «Я все мечты люблю, мне дороги все речи, / И всем богам я посвящаю стих» – близка столь же объемной культурно-исторической памяти Бальмонта:

Жемчужные тона картин венецианских
Мне так же нравятся, как темные цвета
Богинь египетских, видений африканских,
И так же, как ночей норвежских чернота [4, с. 156].

Но, в отличие от брюсовского доминирования римской темы, в поэзии Бальмонта предстает органика многообразия и внутреннего единства культурных традиций, органика многоцветия зеленого луга (для Белого, явившегося образом России). Природные и культурные ряды в поэзии Бальмонта сочетают ее высшие смыслы: красоту-музыку-любовь – «та минута любви, что продлится века» и «аккорд певучий / Неумирающих созвучий, / Рожденных вечной Красотой».

Много путешествуя, Бальмонт называет себя бродягой, «присужденным к скитаньям», Вечным Жидом: «Я знаю сказки многих стран / И тайну многих душ». Многие города раскрывают свою душу поэту: «тихий Амстердам / С певучим перезвоном / Старинных колоколен», каменный Толедо – «город-крепость на горе, город-храм», «цветистый Каир». Поэта влечет архаическая древность с ее культом солнца – Древний Египет и Древняя Америка. Особую тягу он испытывает к Древней Индии, где его далекий предшественник маг-заклинатель постигает мир как майю – «мрак отпадения от вечного Браммы, / Ужас мучительный, сон бытия». Образами скандинавской мифологии навеян сборник «Ясень: Видение древа» (1916) – образы мирового древа, «меда веков» и поэта-мага («Я был певец, колдун и царь»). «Я полюбил все народы земли в их первотворчестве», – писал поэт [8, с. 45].

Поэзия Бальмонта свидетельствует, что парадокс культурологического расширения сознания поэта обусловлен разочарованием в современном человечестве, чувством конца истории, подобно О. Шпенглеру или Вл. Соловьеву. Из письма Анучину: «Мне глубоко грустно от всего хода человеческой истории... Чтобы не чувствовать отчаяния и не потерять радость бытия, мы имеем, я думаю, лишь один Архимедов рычаг – мысль личного совершенствования и внутреннего умножения своей личности» [8, с. 47]. По историко-софской концепции Бальмонта, у человечества есть великое прошлое, еще живы остатки древних великих культур, которые искал по всему миру Бальмонт-путешественник. Древний человек был близок природе, чувствовал слитость неба и земли, переживал великую радость бытия. «Горные вершины» культуры связуют давно-прошедшее и будущее, отвергая печальное настоящее с его механическим мирозерцанием. «Мы хотим пересоздания всей Земли, и мы ее пересоздадим», ибо «Человек есть Солнце» [4, с. 565]. Не случайно все архаические народы – солнцепоклонники, а «свастика, или крест, – самый древний из первобытных символов» [6, с. 42]. «Мы вступаем в мир внутренних прозрений, лучезарных и вещей свершений искусства». Современное искусство призывает к «новой жизни»,

являя жизнь «в свете преображения и пресуществления» [4, с. 626].

В своей всечеловечности Бальмонт исходил из установки, существенно дополняющей шпенглеровскую концепцию культурных типов: «Ни один народ не поймет другой народ. Ни одна раса не постигнет другую расу. Но отдельный человек может видеть и понимать все» [7, с. 20]. Мировое угадывание человеческой души Бальмонт находит у своих любимых авторов: Кальдерона и Шекспира, Свифта и Сервантеса, Пушкина и Гёте, Шелли и Лермонтова, По и Бодлера. Есть «души гармонические, как Гёте, подобные громадному развесистому дереву». Этот «избранник Земли» «указал людям на стройное единство мироздания... Он – целое» [4, с. 567–570]. «Призрак мировой гармонии коснулся его», как писал Бальмонт о Шелли [4, с. 585]. «Звездный вестник» (как говорил Бальмонт о Фете) «заворожен мировым таинством», ему «земное кажется неземным» [4, с. 625–626]. И есть «трагические души», как Свифт, По, Бодлер или Ницше. Они «летят в пропасть» [4, с. 570], поэты душевного раздвоения (Баратынский) создают «музыку диссонансов и живопись уродства» (Некрасов), постигают «ночной облик великого мирового хаоса» (Тютчев) [4, с. 637]. В мире культуры Бальмонту дороже всего те символические личности, с которыми он ощущает свое внутреннее родство: Шелли («Мой лучший брат, мой светлый гений»), «царственный» и «трагический» Бодлер, По, Лермонтов. Эти символические личности наиболее остро и воплощают внутреннюю двойственность культуры.

Безмерность, беспредельность – изначальные качества мировых стихий, претворенные в двойственном пути культуры. Всю поэзию Бальмонта можно прочесть как раскрытие двух полюсов культуры, обозначенных Ницше именами Аполлона и Диониса – движение от предела к беспредельному. Беспредельное воплощают архетипы культуры: «Прометей – порванная преграда между небом и землей, Фауст – жажда беспредельного знания, Дон-Жуан – жажда беспреградной любви, Дон-Кихот – рыцарь мечты в бесконечном стремлении» [4, с. 564–565].

Поэзия Бальмонта раскрывает внутренний закон мира культуры: «Что в мире я ценю – различность сочетаний» [4, с. 156]. Культура немислима без этой «различности сочетаний». «Жемчужные тона», божественное в ней соседствует с темным и демоническим. Культура являет себя в символических личностях, выявляющих ее космогонические основы и движущие силы. Как и древние космогонии, культура живет в сочетании полярностей. С божественным Фра Анджелико в ней соседствует Рибейра, «жестокий и мрачный

анатом», «избыток и бешенство мощной души» [4, с. 160].

Поэт признается в своей любви ко всему. Но во всех своих странствиях Бальмонт неизменно возвращался к русской теме. Другое ему было необходимо для прояснения своего русского предназначения. Сравнивая Россию с историческими судьбами европейских народов, Бальмонт видит историческую проявленность и определенность всех европейцев в контрасте с неопределенностью русского мира. Русская определенность для Бальмонта еще впереди: «Из всех существующих ныне на Земле рас только славянская находится в действенно-рождающем цикле» [5, с. 51]. Поэт верил в великое будущее своей страны, давшей миру великую поэзию, великую прозу и музыку. «Моя душа в древнем Египте, в Вавилоне, в Мексике, в Индии, в Японии, в Океании. Если же в России, то в России времен кочеваний на скифских конях, или в Руси XII века, когда слагались наши народные былины. Если же я в Европе, то я в Средних Веках и в эпохе Возрождения» [2, с. 139]. Вступив на путь стилизации и переложений древней поэзии (проблематичный в художественном отношении), Бальмонт воплотил свой разрыв с современной «рассудочной» цивилизацией.

Библиографический список

1. Асоян, Ю. Открытие идеи культуры: Опыт русской культурологии середины XIX – нач. XX века [Текст] / Ю. Асоян, А. Малафеев. – М., 2001.
2. Бальмонт, К. Голубой талисман с золотым обрамлением (1925) [Текст] / К. Бальмонт // Цит. по: Азадовская К. М., Дьяконова Е. М. Бальмонт и Япония. – М., 1991. – С. 139.
3. Бальмонт, К. Край Озириса [Текст] / К. Бальмонт. – М., 1914.
4. Бальмонт, К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи [Текст] / К. Бальмонт. – М., 1983.
5. Бальмонт, К. Малые зерна: Мысли и ощущения [Текст] / К. Бальмонт // Весы. – 1907. – № 3.
6. Бальмонт, К. Мексиканская символика [Текст] / К. Бальмонт // Весы. – 1908. – № 9.
7. Бальмонт, К. Океания [Текст] / К. Бальмонт // Заветы. – 1914. – № 6.
8. Бальмонт, К. – Письмо Анучину (1912) [Текст] / К. Бальмонт // Цит. по: Новикова Н. Странствующий певец // Вокруг света. – 1990. – № 2.
9. Бальмонт, К. – Письмо В. Брюсову. 28. 05. 1905. Мехико [Текст] / К. Бальмонт // Лит. наследство. Т. 89. В. Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. – М., 1991.
10. Бальмонт, К. Пляска зноя [Текст] / К. Бальмонт // Весы. – 1908. – № 1.
11. Бальмонт, К. Рдяные звезды: Мысли и ощущения [Текст] / К. Бальмонт // Золотое руно. – 1907. – № 7–9.
12. Бальмонт, К. Флейты из человеческих костей: Славянская душа текущего мгновения [Текст] / К. Бальмонт // Золотое руно. – 1906. – № 6.
13. Бальмонт, К. Чувство расы в творчестве [Текст] / К. Бальмонт // Золотое руно. – 1907. – № 11–12.
14. Белый, А. Проблема культуры, Песнь жизни, Эмблематика смысла [Текст] / А. Белый // Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994.
15. Иванов, Вяч. О лиризме Бальмонта [Текст] / Вяч. Иванов // Аполлон. – 1912. – № 3–4.
16. Иванов, Вяч. Переписка из двух углов [Текст] / Вяч. Иванов // Иванов Вяч. Родное и вселенское. – М., 1994.
17. Молчанова, Н. А. Поэзия К. Д. Бальмонта 1890–1910-х гг.: Проблемы творческой эволюции [Текст] / Н. А. Молчанова. – М., 2002.
18. Сугай, Л. А. Поэтическая культурология Серебряного века в контексте идеи синтеза [Текст] / Л. А. Сугай // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы конференции. – М., 2005.
19. Тяпков, С. Н. Некоторые особенности поэтической философии К. Бальмонта (Предварительные замечания) [Текст] / С. Н. Тяпков // К. Бальмонт, М. Цветаева и художественные искания XX века: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 5. – Иваново, 2002.
20. Ханзен-Лёве, А. Русское сектанство и его отражение в литературе модернизма / А. Ханзен-Лёве // Русская литература и религия. – Новосибирск, 1997. С. 194–195 (Цит. по: Молчанова Н. А. Поэзия К. Д. Бальмонта 1890–1910-х гг.: Проблемы творческой эволюции. – М., 2002. – С. 94).
21. Цветаева, М. Слово о Бальмонте [Текст] / М. Цветаева // Цветаева М. И. Об искусстве. – М., 1991.